

УДК. 944.041.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ «МОНАРХИСТОВ» НАЧАЛА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена группировке «монархистов», её взглядам и влиянию в революционной Ассамблее в 1789 г. Приверженная политическим свободам и гражданскому равенству эта «партия» добивалась, однако, компромисса с дворянством за счет серьезных ему уступок. «Монархисты» пытались остановить быстро развивавшуюся революцию путём создания олигархической верхней палаты парламента и сохранения первостепенной роли короны, получавшей право абсолютного вето на декреты депутатского корпуса. Провал этих планов означал не только потерю указанной группировкой её политического веса, но и вёл в близкой перспективе к превращению Франции из действительно конституционной монархии, по сути, в республику.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Конституционный комитет, Сенат, «монархисты», абсолютное вето короля.

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-03-22-27

Одной из острейших задач, вставшей перед Францией конца Старого порядка, было сокращение огромного государственного долга. И в царствование Людовика XV и при его внуке Людовике XVI королевские министры вносили предложения, направленные на борьбу с этим злом. Но власть действовала по своему произволу, игнорируя мнения общественности. Отсюда - определение «министерский деспотизм», закрепившееся в оппозиционной публицистике [3, с.65,69; 4, с.53-54].

Со своей стороны, суверенные суды, прежде всего парламенты, блокировали фискальные меры правительства, задевавшие интересы привилегированных, в том числе, их собственные. Активность судебных расширялась: они добивались обсуждения вопросов государственного устройства, передачи им части представительских функций и ограничения королевской власти [2, с.46-47]. В отличие от министерства парламенты энергично апеллировали к обществу и народу, а те считали их хранителями традиционной законности и защитниками от новых налогов.

Постепенно происходило осознание значительной частью населения несправедливости сословного строя и сеньориального режима. Этому способствовали, в частности, публикации: отчеты о громких судебных процессах обманутых простолюдинов против аферистов-дворян, крестьянских общин против самоуправства сеньоров [9, с. 45-47, 157-158; 20]. Население все шире вовлекалось в протестное движение.

С весны 1787г. по осень 1788г. функционировал возглавляемый парламентами широкий фронт антиабсолютистских сил, включавший большую часть дворян, зажиточные круги третьего сословия, народные категории. Его противодействие реформаторству министров оставляло властям мало возможностей для маневра. Попытки реорганизовать органы управления и суда вызвали сильное сопротивление, сопровождавшееся в нескольких городах вооруженными стычками. Стремление правительства опереться на совет нотаблей также не имело успеха. Пришлось объявить о формировании Генеральных штатов, чего и добивались оппозиционеры. Новые вызовы, связанные с количественным представительством третьего сословия в Ассамблее и порядком ее работы, выявили социальный эгоизм членов парламентов, представлявших в своем большинстве дворянство. Отказ от идеи поголовного голосования в Генеральных штатах, дававшей преимущество разночинцам, привел к быстрой потере влияния суверенных судов.

Осенью 1788 г. руководство оппозицией перешло к либеральной элите, к «патриотической партии». Именно эти силы сыграют ведущую роль в собравшихся Штатах, превращенных вскоре в Учредительное собрание. Их задачей станет утверждение конституционных принципов и проведение преобразований. Решая ее, они разобьются на ряд политических группировок, предлагавших разные варианты реформирования французских общества и государства.

В начале революционного процесса известной и влиятельной группировкой в Ассамблее являлись «монархисты». Имелись в виду не монархисты в обычном понимании слова – сторонники королевской власти (противников у нее на тот момент не было). Так называли политиков, желавших сохранить за короной больше прерогатив, чем другие сторонники перемен.

Лидером «монархистов» стал юрист Ж. Мунье [7; 15], приобретший общенациональную популярность благодаря собранию трех сословий в Визилле (Дофине) летом 1788 г., где разночинцы получили двойное представительство, чего потребовали также для Провинциальных и Генеральных штатов. Другой представитель группировки – П. Малуэ сделал чиновничью карьеру, заняв должность интенданта морского флота в Тулоне. Трофим Лалли-Толлендаль был сыном неудачливого командующего войсками в Индии в Семилетнюю войну, осужденного и казненного Людовиком XV из-за сдачи в плен англичанам. Адвокат Никола Бергас обратил на себя внимание участием в судебной тяжбе против Бомарше [5, р. 342-351]. Граф С. Клермон-Тоннер также «не затерялся» среди депутатов Ассамблеи. Анализ политической платформы «монархистов» приводит к заключению, что они стремились к коренным изменениям в обществе: являлись противниками сословных перегородок в нем, негативно относились к корпорациям, отвергали партикуляризм провинций. Это объединение хотело видеть Францию централизованной и унифицированной, в которой не было бы места претензионным и деструктивным судебным—административным институтам. Отсюда – критика Мунье «парламентских химер» [15, р.26].

«Монархисты» были привержены идеям Просвещения. Они выступали за равенство граждан перед законом. Свобода же стала главной ценностью их дискурса [16, р.12]. И лидер «монархистов», и Малуэ разработали свои варианты «Декларации прав». В результате три первых статьи, а также пункты о свободе печати и веротерпимости вошли в этот документ в редакции Мунье.

«Монархисты», как и другие «патриотические» силы Ассамблеи, соединяли в своих рядах либеральное дворянство и верхи

третьего сословия. Но в отличие от большинства Собрания, добивавшегося компромисса между теми и другими на условиях разночинцев, они желали достичь консенсуса на основе взаимных уступок и равенства сторон. Отсюда – умеренность политической стратегии и тактическая осторожность. «Монархисты» ставили вопрос о выкупе крестьянами не только реальных (поземельных повинностей), но и личных. Мунье предлагал компенсацию даже за менморт (архаичное ограничение права наследования) [14, р. 31]. Показательно, что граф Лалли-Толлендаль считал правомерным сохранение почетных прерогатив дворянства. Его единомышленники надеялись на постепенный и добровольный отказ второго сословия от привилегий. Малуэ оговаривал, что «общины» должны торжественно обещать уважать эти права и только тогда требовать введения поголовного голосования в Генеральных штатах [18, р. 56-57].

Группировка преобладала в главном комитете Ассамблеи-Конституционном. Здесь она располагала пятью голосами из восьми. Мунье, Лалли-Толлендаля, Бергаса и Клермон-Тоннера в этой структуре поддерживал также бордоский архиепископ Шампльон де Сисе. Недовольство быстрыми темпами революции, соскальзыванием Учредительного собрания на радикальные позиции побуждало «монархистов» использовать свое влияние, чтобы предложить принципиальные изменения в едва начавшую складываться систему управления страной. Их тревожили манифестации в городах и крестьянские «жакерии» в сельской местности. Особенно возмущали методы, к которым прибегали «революционные толпы»: самочинные суды и кровавые расправы. Они решительно и резко протестовали против убийств, совершенных разгряченными участниками волнений. Мунье потребовал немедленного создания специального трибунала, который судил бы за подобные преступления [15, р. 100-102].

Со своей стороны, парижские революционные активисты сразу же невзлюбили эту политическую силу. Если Неккер, Мирабо, Лафайет и Барнав в разное время находились в фаворе у населения столицы, то к «монархистам» оно изначально испытывало неприязнь. Показательно: еще весной 1789г. Малуэ

оценивался «патриотической» общественностью как контрреволюционер [18, р.58], а во время дебатов в Ассамблее о порядке ее работы один из зрителей схватил его в гневе за шиворот [15, р.68].

Сдерживать движение низов, не допустить «дрейфа» Собраний «влево», установить умеренную политическую конструкцию – вот что двигало Мунье и его соратниками, сформулировавшими к концу августа свои практические соображения. Они добились права абсолютного вето на декреты законодателей и одновременно создания верхней палаты представительного органа, которая наряду с монархом могла бы блокировать при необходимости решения нижней.

Ход политической борьбы во многом диктовал время обнародования важных предложений. Лалли-Толлендаль сделал соответствующий доклад от имени Конституционного комитета, в котором доказывались правомерность абсолютного вето короля и существования двухпалатного парламента. Эти идеи были не скороспелыми, а, напротив, выношенными. В качестве истока и примера использовалась английская модель. Политическая система соседней страны с разделением властей и свободами привлекала французских законодателей. При этом они руководствовались не абстрактным подходом, а стремлением приспособить британский опыт к реалиям своего государства. Если в Англии корона применила право вето в последний раз в 1707 г., то французские «монархисты» считали, что оно станет действенным орудием венценосца в его сопротивлении радикальным порывам Учредительного собрания. Предполагаемая же верхняя палата французского парламента – Сенат – должна была, по их замыслу, отличаться от британских лордов. И те включали в свой состав не одну только знать. Но речь шла о кастовом органе, отстаивавшем чаяния английской аристократии [1, с. 12], тогда как французский Сенат собирались создавать на внесословной основе. Его члены рекрутировались сугубо из крупных землевладельцев как знатного, так и простого происхождения. Именно им, привязанным к своему землевладению, было что терять от «несчастий Родины».

В Сенат могли попасть только зрелые

люди от 35 лет и старше, получавшие ежегодный доход с земли не менее 10 тыс. ливров [15, р. 22]. Он носил бы консервативный характер и по принципам своего формирования, и по продолжительности мандата сенаторов. Те сохраняли статус пожизненно, без переизбрания, но не передавали его по наследству, как английские лорды. А каким же образом они обретали сенаторское кресло? Мунье полагал, что их должны избирать провинциальные ассамблеи. По Малуэ, они непосредственно назначались монархом, что, конечно, увеличивало его полномочия [19, р. 49]. Лалли-Толлендаль выступил с компромиссным вариантом: провинциальные собрания выдвигают кандидатов из своей среды, а король произведет выбор среди них [6, с.387].

Идея бикамерализма, представленная «монархистами», не нашла серьезной поддержки у депутатов. Традиционалисты из дворян и духовенства хотели восстановления прежних Генеральных штатов с разделением палат строго по сословному принципу. Внедрение в политическую систему внесословного Сената с включением соответствующей статьи в Конституцию ставило крест на этих ретроградных мечтаниях. Для большей части законодателей, для реформаторов предложенные новации означали движение вспять к Старому порядку, к сословному строю и потому были неприемлемыми. Видный деятель Собраний Ж.- Г. Туре подчеркивал ненужность парламента из двух или трех палат: ведь теперь не возникала необходимость «разрешать сословно- классовые противоречия ввиду отсутствия самих сословий» [13, р. 581]. Идея учреждения верхней палаты была близка Лафайету, но в его версии она напоминала американский Сенат. То был избираемый, а не назначаемый сверху институт с полномочиями, ограниченными шестилетним сроком. Планы организации элитарной палаты провалились в ходе голосования в Ассамблее 10 сентября. 849 депутатов проголосовали против них, 89 – «за» при 122 воздержавшихся. Вопрос о двухпалатном парламенте не вызвал тревоги во французском обществе, в том числе, и среди парижан.

Другой вопрос, поднятый «монархистами», – право короля накладывать абсолютное вето на декреты Ассамблеи – оказался

куда более животрепещущим. Столичные революционеры ответили на демарш Мунье и его окружения протестами. Еще накануне в Пале-Руаяле собрались недовольные и началась манифестация. В адрес Собрания поступали также анонимные письма с угрозами.

Парижские радикалы полагали возможной поддержку парламентом абсолютного вето. Они насчитали в нем около 400 сторонников такой меры и были не очень далеки от истины. С «партией» Мунье смыкались здесь «крайне правые» - приверженцы традиционной монархии. За абсолютное вето высказался и один из лидеров Конституанты - граф Мирабо. Многие депутаты склонялись к отлагательному вето, позволявшему отсрочить введение принятого парламентариями решения на время действия двух ассамблей (4 года).

Впрочем, сами «монархисты» трактовали взаимодействие короны и представительного органа не одинаково. По Мунье, законодательная инициатива принадлежала Собранию: оно предлагало декреты и налоги, а король их утверждал или нет. Иную последовательность выстраивал Малуэ: инициативой владел монарх, его аппарат готовил проекты законов и фискальные меры, а Ассамблея путем голосования высказывалась за или против [15, р. 122; 18, р. 79-80].

Взаимосвязанной с проблемой королевского вето являлась другая: будет депутатский корпус заседать постоянно или собираться периодически? Лидеры «монархистов» вместе с «крайне правыми» тяготели ко второму решению, что ослабляло позиции парламента. При соединении вышеуказанного варианта Малуэ с периодичностью заседаний Ассамблеи она превращалась в подчиненный, вспомогательный, совещательный орган.

Но этого не случилось. Еще 9 сентября Учредительное собрание проголосовало за постоянное функционирование законодательного корпуса. Оно также намеревалось передать депутатам регламентирование их деятельности, созыва и окончания работы.

Ассамблея должна была следовать принципу разделения властей, прописанному в 16-ой статье «Декларации прав человека и гражданина». Право главы исполнительной власти одобрять решения законодателей сохранилось и в английской политической традиции, и в американской Конституции 1787 г.

Но парламентарии исходили, прежде всего, из французской действительности. Депутатский корпус «приобрел самую мощную силу своим постоянством, ее необходимо умерить при помощи вето» [10, р.581], - подчеркивал уже упоминавшийся Туре. «Декрет становится законом только по королевской санкции» [11, р.219], - вторил ему Тарже. При этом большинство депутатов допускало лишь возможность отсрочивающего вето. «Может ли она (королевская санкция - С. Б.) быть абсолютной?... только относительной» [11, р. 101], - полагал Тронше. Подобное вето могло заблокировать решение Ассамблеи лишь на четыре года. К тому же далеко не все акты Собрания подпадали под действие вето. Оно не распространялось на конституционные законы. Оно не имело отношения к избирательным вопросам, не касалось внутреннего распорядка работы парламента, не затрагивало судебной ответственности министров.

Предпочтения окончательно выявились 11 сентября, когда вопрос поставили на голосование. С необходимостью королевской санкции согласились 730 депутатов против 143 при 76 воздержавшихся. Затем 673 парламентария выступили за отсрочивающее вето, а 325 - за абсолютное при 11 воздержавшихся. Таким образом, определилось поражение «монархистов» и провал их планов. Голосование имело большое значение для хода революции. Показательно, что именно в связи с ним депутаты - сторонники абсолютного вето - стали рассаживаться по правую руку от председателя Ассамблеи, а их противники - по левую. Отсюда - понятия «правые» и «левые», закрепившиеся в политическом лексиконе до наших дней [8].

Дальнейшее больше напоминало современную демократическую практику, нежели реалии конца XVIII в. Уже на следующий день, 12 сентября Мунье, Лалли-Толлендаль, Клермон-Тоннер, Бергас и Шампюан де Сисе покинули Конституционный комитет, а на их места пришли Туре, Тарже, Тронше, Демонье, а также Рабо де Сент-Этьен. Представители нового состава считали законодателей «главнее всех» [12, р. 485], но все же оставляли королю определенные рычаги управления. То был «комитет Туре» [17, р. 117], где преобладали политики, занимавшие срединное положение в рамках левого большинства

парламента и потому названные сегодня «левым центром».

Влияние же «монархистов» ослабевало постепенно. С 12 сентября Клермон-Тоннер и Мунье поочередно становились председателями Ассамблеи. Но поход на Версаль 5-6

октября и его ближайшие последствия окончательно перечеркнули планы группировки сохранить за короной первостепенную роль в государстве. Людовик XVI был водворен с семьей в столицу, где сделался заложником главной действующей силы революции – парижской толпы.

Список литературы

1. Айзенштат М.П. Западноевропейский парламентаризм XVIII – XIX вв.: этапы становления и развития. М., 2001.
2. Берго И. Б. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1766 годах // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988.
3. Блуменау С.Ф. Политические сочинения кануна Великой Французской революции // Новая и новейшая история, 2013, №5.
4. Блуменау С.Ф. Учредительное собрание Французской революции XVIII в. и исполнительная власть // Вопросы истории, 2017, №4.
5. Де Кастр Р. Бомарше. М., 2003.
6. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга 1. М., 1976.
7. Сергиенко В.Ю. Жан-Жозеф Мунье (1758-1806) – идеолог конституционного монархизма в годы Французской революции // Новая и новейшая история, 2008, №3.
8. Сергиенко В.Ю. Когда появились «правые» и «левые». У истоков политической традиции // Новая и новейшая история, 2007, №4.
9. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.
10. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P., 1875.
11. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. IX. P., 1877.
12. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. XII. P., 1881.
13. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. XXIV. P., 1886.
14. Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble, 1990.
15. Egret J. La Révolution des Notables : Mounier et les Monarchiens. P., 1989.
16. Furet F. Introduction // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble, 1990.
17. Furet F. et Richet D. La Révolution française. P., 1973.
18. Griffiths R. Le centre perdu : Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.
19. Griffiths R. Le monarchienisme et la monarchie limitée // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française. Grenoble, 1990.
20. Maza S. Le tribunal de la Nation : Les memoires judiciaires et l'opinion publique à la fin de l'Ancien Régime // Annales. Économies. Sociétés. Civilisations, 1987, №1.

THE PROBLEM OF POWER IN THE POLITICAL PRACTICES OF THE «MONARCHISTS» AT THE BEGINNING OF THE FRENCH REVOLUTION

The article deals with the group of “monarchists”, their convictions and influence in the revolutionary Assembly in 1789. Though committed to the political freedoms and social equality, this “party” strove for a compromise with the nobility by means of serious concessions to them. The “monarchists” tried to stop the quickly developing Revolution through creating an oligarchic upper chamber of the parliament and saving the leading role of the Crown which was to get the absolute veto right over the decrees of the deputy corps. The failure of these plans meant the loss of the political weight of the above mentioned group and, more importantly, led to transforming France in the short run from a real constitutional monarchy into a republic.

Keywords: Constituent Assembly, Constitutional Committee, Senate, «monarchists», absolute veto of the King.

References

1. Ayzenshtat M.P. Zapadnoevropeyskiy parlamentarizm XVIII – XIX vv.: etapy stanovleniy ai razvitiya. M., 2001.
2. Bergo I. B. Parlamentskaya oppozitsia absolyutizmu i popytki reform v 1749-1766 godakh //Frantsuzskaya revolyutsiya XVIII veka: ekonomika, politika, ideologiya. M., 1988.
3. Blumenau S.F Politicheskie sochineniya kanuna Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii // Novaya i noveyshaya istoriya, 2013, №5.
4. Blumenau S.F. Uchreditel'noe sobranie Frantsuzskoy revolyutsii XVIII v. i ispolnitel'naya vlast'// Voprosy istorii, 2017, №4.
5. De Kastr R. Bomarshe. M., 2003.
6. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya Frantsuzskoy revolyutsii. T.1. Kniga 1.M., 1976.
7. Sergienko V.Yu. Zhan-Zhozef Mun'ye (1758-1806)–ideology konstitutsionnogo monarkhizma v gody Frantsuzskoy revolyutsii // Novaya i noveyshaya istoriya, 2008, №3.
8. Sergienko V.Yu. Kogda poyavilis' «pravye» i «levye». U istokov politicheskoy traditsii // Novaya i noveyshaya istoriya, 2007, №4.
9. Shart'ye R. Kul'turnye istoki Frantsuzskoy revolyutsii. M., 2001.
10. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P.,1875.
11. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.IX.P.,1877.
12. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série.T.XII.P.,1881.
13. Archives parlementaires dé 1787 à 1860. Première série. T.XXIV.P.,1886.
14. Doyle V. La pensée politique de Mounier // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.
15. Egret J. La Révolution des Notables : Mounier et les Monarchiens. P., 1989.
16. Furet F. Introduction // Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.
17. Furet F.et Richet D. La Révolution française. P.,1973.
18. Griffiths R. Le centre perdu : Malouet et les « monarchiens » dans la Révolution française. Grenoble, 1988.
19. Griffiths R. Le monarchienisme et la monarchie limité// Terminer la Révolution: Mounier et Barnave dans la Révolution française.Grenoble,1990.
20. Maza S. Le tribunal de la Nation : Les memoires judiciaires et l' opinion publique à la fin de l'Ancien Régime// Annales.Économies.Sociétés.Civilisations, 1987, №1.

Об авторе

Блуменау Семён Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich – Doctor of History, professor at the chair of world history, international relations and international law, Academician I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru